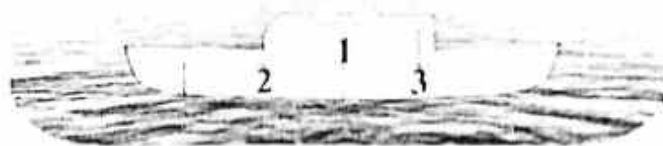

Моя профессиональная
карьера

Научно-образовательный электронный журнал

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В XXI ВЕКЕ

Выпуск №22 (том 2)
(январь, 2022)

ФИО автора: *Хушбоков О.У.*

Аспирант 2-курса заочного обучения Мордовского государственного педагогического университета имени М.Е. Евсевьева
(г.Термез, Узбекистан)

Название публикации: «ОБРАЗОВАНИЕ И УЧИТЕЛЯ В АНТИЧНОМ МИРЕ»

Аннотация: *в работе были выполнены сфера образования и деятельность педагогов в античном мире. Представлен общий обзор.*

Ключевые слова: *образование, учитель, античный мир, воспитание.*

Каково отношение древних греков к образованию и воспитанию? Мы не ставили своей специальной задачей отследить, как на протяжении веков шел процесс становления просвещения и воспитания в Греции. Скажем лишь, что обучение исходило из ранее имеющегося знания. «Это становится очевидным, – писал Аристотель в одной из его работ, – при рассмотрении всякого (обучения и учения), ведь и математические науки, и каждое из прочих искусств приобретаются именно таким способом». Велико было и значение игр. Платон рекомендовал ребенку играть до 6 лет, руководя и с детства приучая его делать то, чем он будет впоследствии заниматься. Будущий архитектор должен строить, будущий земледелец – возделывать землю, солдат – уметь воевать и т. д. Конечно, дети всегда остаются детьми. Поэтому немало времени уделялось игр. В 7 лет греческого отпрыска обычно отдавали в руки педагога. Тот чем-то напоминал «дядьку», который смотрел за мальчуганом, сопровождая его в школу и палестру. Дома дети занимались под присмотром педагогов. Как правило, это был раб. Перикл поручил воспитание Алкивиада фракийскому рабу Зопиру, «ставшему негодным для другой работы, по причине старости». Мнение греков о педагогах было не очень-то высоким. В описаниях он предстает как старик, лысый, грубый, нечесаный, ворчливый и зачастую пьяный. Такого учителя порой могли даже поколотить. Ведь известно, что и

Геракл в ответ на шлепок учителя музыки так стукнул его лирой по голове, что бедняга вскоре испустил дух. Обучению и воспитанию граждан тем не менее придавали большое значение. Греки видели в нем основу крепости и силы государства. Оно должно было быть одинаковым для всех свободных. Так полагал Аристотель: «Так как государство всегда имеет одну и ту же цель, воспитание обязательно должно быть одинаковым для всех его членов». Но на практике все иначе. Богатые получали, конечно, и лучшее образование с воспитанием. Платон отмечал, что посещающие палестру мальчики в большинстве принадлежат к аристократическим семьям. Протагор уточняет: «Сыновья богатых идут в школу раньше всех и позже всех перестают ее посещать». Хотя наличие богатства еще не означало обязательных успехов на ниве просвещения. Вряд ли чему-то путному научился лентяй, чей богатый папаша для облегчения запоминания букв алфавита подарил ему 24 раба (по числу букв). Ведь древним людям, как и современникам, были присущи все естественные человеческие склонности. Они ненавидели скуку и тоску, навеваемую учеными дидактами (как и мы с вами). Иначе бы не появилось знаменитое высказывание философа Платона: «Питай своих детей науками не насильно, а играючи» И в какую страну древнего мира не перенесись, везде наверняка вы столкнулись бы с игровыми сюжетами. Дети учились и учатся, играя. В играх и учеба может стать сладкой и желанной. Мы вправе даже говорить о присутствии в школьной практике античности *homo ludens* («человека играющего»). Скажем, у индусов мир в целом мыслился как некая игра в кости, в которой участвуют Шива со своей супругой. Главные события древнейшего памятника индийской культуры «Махабхараты» разворачиваются на фоне игры в кости, которой заняты царь Юдхиштхира и Кауравы. Как серьезным делом занимались метанием костей и германцы, видя в этом не только элементы религиозного культа, но и своеобразный образовательный или учебный тренинг. Овладев искусством чтения и письма, грек приступал к изучению произведений известных писателей. Источниками первого приобщения к литературе становились поэмы Гомера и Гесиода, стихотворения

законодателя Солона, басни Эзопа, труды Феогида. В идеальном полисе Платона предполагалась дифференциация людских интересов. В его «Законах» изложена программа воспитания, где особое внимание уделяется тому, как и чему следует учить молодежь. Им высказана важная мысль, что резкого разрыва между дедовскими правилами и новыми правилами обучения и поведения быть не должно. Нельзя переступать границы разумного и вечного, ибо тогда «при ниспровержении древних оснований обваливается и все позднейшее великолепное сооружение». Потому и нужен институт наставников-цензоров, дабы те определяли границы дозволенного. Порочные и неподходящие сочинения надо отринуть, отдав предпочтение рассудительной и умеренной Музе, а не «расхожей и сладостной». Первая улучшает людей, вторая ухудшает. Он полагал необходимым гармоничное развитие («тело следует обучать гимнастическому искусству, а душу – для развития ее добродетели – мусическому»). Строительство гимнасиев и школ философ считал первостепенной задачей государства. Добротное образование должны получить все без исключения члены полиса, ибо дети республики «больше принадлежат государству, чем своим родителям». Мудрые, великие слова, которые кое-где ныне позабыты. Что же касается учителей, то и тут можно говорить о двух самых распространенных типах учителей, хотя их было, конечно, гораздо больше. Квинтилиан описал их в главе «Нравы и обязанности учителя». Один тип учителя – гневливый, едкий, нетерпеливый, суровый, скорый на бранные и обидные слова, зачастую и на расправу. Другой – полная ему противоположность – снисходительный, мягкий, не бранящий ученика за ошибки, нередко льстящий ученикам и родителям в глаза и за глаза. О таких Тацит писал: «Они привлекают к себе учеников не строгостью дисциплины, не дарованиями, проверенными на опыте, а заискиванием, лестью и низкопоклонством». Ювенал также писал об учителях, нравственный и интеллектуальный уровень которых был очень низок. Можно сказать с уверенностью, что в Греции были те и другие. О мудрых и способных учителях говорил Квинтилиан. Таких же достойных мужей (почтенных, любящих свою

работу) вспоминал и Авл Геллий. Плиний Младший писал об учительском мире, который и сам хорошо знал, как о прекрасных людях: «Нет людей искреннее, проще и лучше». Они бесконечно преданы своей нелегкой профессии. Надо сказать: жизнь основной массы учителей и тогда была нелегкой. Поэтому несмотря на довольно скудное экономическое положение учителя, его статус (особенно, если тот директор) оказывался довольно высок. В Афинах и Спарте начальники гимназий (гимназиархи), к тому же исполнявшие обязанности жрецов, были в почете. Наряду с государственными чиновниками они носили особый посох и пурпурную тогу. Иные учителя прославились и были занесены в книгу памяти народа. До нас дошло имя древнегреческого поэта-лирика Тиртея (вторая половина VII в. до н.э.). По преданию, поэт Тиртей был одновременно и школьным учителем. Посланный афинянами в Спарту (взамен требуемой от них военной помощи), он сумел речами и песнями так поднять боевой дух спартанцев, что принес им победу. Поскольку в Теосе, Дельфах, других городах они находились на государственной службе, приходилось согласовывать взгляды не столько с отвлеченным идеалом, сколько с жизнью. В Спарте никто не имел права воспитывать ребенка только по своему усмотрению. Даже наемные педагоги исключались из числа преподавателей. Дети попадали как бы в ведение государства. Собрав их в группы и отряды, их них воспитывали настоящих бойцов. Грамоте учили в пределах необходимости (прочитать приказ и поставить подпись). Спарта – военное государство, и это накладывало отпечаток на воспитание. Дети обязаны были сами себе добывать дрова и пропитание. Их приучали говорить кратко, точно, сжато. Педагоги древности были свободны в рамках общих понятий. П. Гиро отмечал: «Тем не менее свобода обучения не предполагала свободы всяких доктрин. Учитель не должен был забывать, что в его руках находились будущие граждане, и он не имел права внушать им идеи по своему усмотрению. Он обязан был развивать в них не только любовь к отечеству, но также и любовь к национальным учреждениям. Если бы учитель, при демократическом правлении, захотел

внушать своим ученикам презрение к демократии, то он подвергся бы преследованиям». Под демократией понимали любовь к родине, а не ненависть к ней, гордость деяниями предков, а не гнусное очернительство всего, что ими сделано. Однако были и противоположные примеры. В том случае, если общество оказалось неудовлетворено работой учителя, провинившегося педагога могли подвергнуть суду и суровому наказанию. Классический пример – это судьба Сократа. В качестве наказания якобы за опасное воспитание афиняне его вынудили принять яд. Учитель таким образом оказывался перед серьезным выбором. Взгляды не должны вступать в противоречие с господствующей в полисе доктриной. Как говорят, положение учителя обязывает. Хотя и седую древность не следует воспринимать идиллически. Опыт древних народов – это «сын ошибок трудных» (А.С. Пушкин). Наивно полагать, что люди там охотно бросались в объятия просвещения. Длившаяся тысячелетиями ночь ума, демоническая сила невежества имели и имеют прочные корни в человеческом сознании. Ко многим народам можно отнести слова Тацита, сказанные в адрес древних германцев – «У них самих нет никакой изобретательности» или «Тайны письмен равно не ведают ни мужчины, ни женщины». Цезарь характеризует немцев как диких варваров, вся жизнь которых проходит в охоте и военных занятиях. Надо признать, что отношение многих народов к образованию и знанию долгое время оставалось прохладным в силу самих условий существования. Ведь подавляющая масса людей пребывала вне круга образования: ни школ, ни учебников, ни учителей у них по сути дела еще не было. Но и там, где они были (Греции и Риме), доступ к нему имели лишь свободные граждане. Педагогика и образование выполняли, как сказали бы, социальный заказ, в наибольшей степени отвечающий общественным потребностям времени. Рабам вообще запрещались многие виды умственной, духовной деятельности. Разумеется, были исключения: Эзоп – в литературе. Эпиктет – в философии; великий Платон был, как мы знаем, продан по приказу тирана Дионисия на остров Эгину. Однако в общем и целом в Греции науки, искусства, литература развивались вне круга рабства. К плодам

просвещения рабы, по словам А. Валлона, могли приближаться только на определенное расстояние. Юношам для получения знаний приходилось прикладывать немало энергии. Хотя в переводе с древнегреческого «школа» означает «досуг», не всем удавалось усваивать знания играючи. Порой детей принуждали к занятиям. Древняя надпись донесла слова, обращенные к школьнику: «Иди в школу, достань таблички и пиши – и не вздумай шататься по улицам!» В источниках тех лет нередко встречаются упоминания о тяжелой жизни обучаемых. Уста древних исторгают жалобы на то, как их тиранят педагоги (грамматисты, критики, геометры, тактики и пр.). Катон Старший со знанием дела говорит: «Ученость есть сладкий плод горького корня». Горьким сей плод был не только для некоторых учеников, но и для учителей. Ведь среди педагогов и в эпоху античности оказывалось немало случайных людей. Бывало вовсе не любовь к профессии, а жизненные невзгоды, злключения и беды вынуждали людей заниматься обучением и воспитанием детей, толкали их в школу. В этом случае приходилось только сочувствовать тем и другим. Пожалуй что нет ничего ужаснее, чем учитель, в глубине души люто ненавидящий свою профессию. Об иных можно было сказать словами Гёте: «Те, у которых мы учимся, правильно называются нашими учителями, но не всякий, кто учит нас, заслуживает это имя». В таких случаях ученики шли в школу крайне неохотно, учились словно из-под палки. О низком социальном статусе учителей говорит поэт, характеризуя судьбу такого вот бедолаги: «Он или умер, или обучает детей грамоте». Порой в роли учителей оказывались и цари. Тирану Дионисию Младшему после его низложения с трона одно время пришлось зарабатывать себе на жизнь профессией лектора в Коринфе. Впрочем, немало примеров и иного рода. Благодарные ученики вспоминали своих мудрых учителей с теплотой и признательностью. Хотя качество обучения редко отражалось на их оплате (разве что в могильных эпитафиях). Российский учитель, похоже, сегодня не может рассчитывать даже на достойную могильную эпитафию. Развитию процесса приобщения к знаниям очень мешала скудость материального базиса древнего мира. Хотя получение

образования молодыми людьми обходилось в относительно небольшую сумму (в 20 драхм), для многих и такие деньги оказывались довольно серьезной проблемой. Уровень знаний часто самым непосредственным образом зависел от наличия средств. Экономический фактор был, по сути дела, главным в деле просвещения. В эпоху мудрого Солона, немало, казалось бы, сделавшего для развития просвещения сограждан, неравенство между бедными и богатыми дошло, по признанию самого Плутарха, «до высшей точки». Скажем прямо и откровенно: бедность – плохое подспорье для массового образования и воспитания. Иного и не следовало ожидать в мире, где правят не ум и знания, но сила, знатность, богатство. Занятие наукой было уделом немногих. Знание и ученость, говоря словами Саади, часто вынуждены были прозябать в рвани и грязи. Случаи, когда отдельные представители научного мира являли собой пример благополучия, крайне редки. Известен Пифагор, принесший в дар богам (за открытие им знаменитой теоремы о квадрате гипотенузы) целое стадо из ста голов. Но такие случаи редки. Где монет в избытке, там бывало не до книг. Учеба в глазах иных обладателей толстых кошельков казалась пустой забавой. Но чаще именно состоятельные люди тянутся к знаниям. В рабовладельческом обществе образование (достояние свободных) считалось все же роскошью. Конечно, определенный минимум знаний (начальное образование) свободный грек и римлянин получали, но дальше этого первого шага продвигались редко. Свидетельством тому стало высказывание Лукиана, «Вольтера классической древности», писавшего в автобиографических набросках: «Едва только я, достигнув отрочества, перестал ходить в школу, как мой отец принялся со своими рассуждать, чему же теперь надо учить меня. Большинство было того мнения, что настоящее образование стоит больших трудов, весьма длительно, связано с большими затратами и предполагает блестящее положение; наши же дела плохи, и в скором времени нам может понадобиться поддержка. Вот если бы я выучился какому-нибудь ремеслу, то сразу же начал бы зарабатывать на жизнь и перестал – такой большой парень – сидеть на отцовских хлебах, а вскоре мог бы обрадовать отца, принося ему постоянно свой заработок». Тут

видим признаки рациональности мышления древнего сирийца, равно как и общие представления греко-римского мира, где материальная стесненность семьи диктует и ее «одежку». Злая ирония Лукиана подтверждает то, что эта установка закрепились в общественном сознании. Какие выводы можно сделать? Во-первых, античность рассматривала образование и искусство как важную сферу человеческой деятельности, от которой во многом зависят нравы, порядки, благосостояние и крепость державы. Культура в широком смысле слова стала играть заметную роль в формировании тогдашних элит как на Востоке, так и на Западе. Несмотря на все его различия, древний мир обладал неким внутренним единством. При этом роль образованного человека становилась все значимее, весомее. Можно даже говорить о едином типе мудрости, возникшем в Восточном Средиземноморье и на Индо-Гангской равнине. Мы видим нечто схожее между безмятежным спокойствием грека или нирваной индуса, стоицизмом римлянина или невозмутимостью китайца. Будучи первопроходцами, древние люди обладали удивительной свежестью восприятия, чувством новизны, без которых невозможно истинное познание. Сила античной цивилизации ощущается в философских трудах, исторических трактатах, дидактических поэмах, в самой жизни. Ученый и поэт Тит Лукреций Кар в бессмертной поэме «О природе вещей» так сказал о ее свойствах: Во-вторых, в ходе возникновения и укрепления государств-полисов создаются и главные типы образовательно-воспитательных учреждений. Одновременно идет и работа над методическо-терминологической базой обучающего процесса. Говоря об истоках будущей европейской цивилизации, М. Наринский и В. Карев указывают на ее античные корни. Более того, многие понятия и термины, относящиеся к сфере европейской образованности, пришли к нам прямо из античности: академия, лицей, гимназия, школа. Античными являются и остаются ряд фундаментальных понятий европейской политической культуры – Демократия и Деспотия, Республика и Империя, Олигархия и Диктатура. Собственно и сам термин «культура» восходит к латинскому термину, означающему «возделывание, воспитание, образование». В-третьих, античность

– ориентир, позволяющий прокладывать курс современности. Античные писатели, поэты, философы вырастили не одно поколение будущих интеллигентов. С их помощью лучшая часть людей достигала и достигает того, что Гегель называл «величайшей культурой духа». Во многом благодаря «гениусам» древнего мира (Нинне) смогли и мы подняться над окружающей серостью, суетой, усредненностью. В-четвертых, античность направила все последующее развитие человечества по определенному руслу, по которому мы продолжаем двигаться сегодня (пять тысячелетий спустя). Продолжаем, подобно трудолюбивым пчелам, собирать нектар с цветов античной мысли и культуры. В-пятых, античная наука положила начало кропотливой работе ума, сформулировала ряд важнейших законов, дала пищу для построения теорий последующими философами, историками, культурологами. Можно сказать, что своей постоянной активностью, яркой работой мысли греки сделали всё или почти всё для того, чтобы последующие поколения, люди цивилизации, говоря словами историка Фукидида, «и сами не имели покоя, и другим людям не давали его».